

УДК 2 : 32 (479)
ББК 86 + 66 (24)
Р 368

Р 368 Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. / Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. – 120 с.

Фото Дато Мдзинаришвили / Patkerphoto
Дизайн студии МАТИТ / www.matit.am

Religion and Politics in the Caucasus. Conference Papers. / Ed. A.Iskandarian. – Yerevan, CMI, 2004. – 120 p.

Photo by Dato Mdzinarishvili / Patkerphoto
Design by MATIT / www.matit.am

ББК 86 + 66 (24)

ISBN 99930-78-42-5

© КИСМИ, 2004
© 2004 by Caucasus Media Institute

■ О РОЛИ И МЕСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ГЛУБИННЫХ ПРИЧИНАХ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА

Саид-Магомет Хасиев

В СССР чеченцы числились малым народом. Вопреки всем историографическим мифам нового и старого времени, это обычный кавказский народ, развивавшийся в русле кавказского культурнохозяйственного типа. Мифологизация, как в положительную сторону, так и в отрицательную, уводит от действительности, между тем, у чеченцев, как и у всякого народа, в ходе исторического становления были, естественно, взлёты и падения. Как и у всякого другого народа, у чеченцев есть своя этническая специфика, свои особенности, иначе этот народ давно перестал бы самоидентифицироваться, а другими восприниматься как некая специфическая этническая общность. Здесь же отметим, что с Москвией, а затем и Россией, контакты начались лет четыреста назад, хотя историки, на мой взгляд, упускают из вида длительный этап общения через Золотую орду.

Скорее всего, мусульманство очень длительное время вызывало у чеченцев отторжение, когда оно навязывалось им силой – и тогда, когда арабы стояли в Дербенте (Гап), и тогда, когда их ставка находилась в Тбилиси (Калака). Мусульманство проникло к ним через дервишей – суфиев и, как справедливо отмечал директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А.Саламов, до сих пор набожного человека называют «сюпа»¹. С сожалением приходится констатировать, что история длительного противостояния Халифату Кавказского княжества «санар//цанар», народа «царциатов», а по мнению акад. Орбели, «ша(р)шанов», недостаточно изучена. Даже поверхностное

1 Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией...(16-20вв.)// Известия ЧИНИИ ИЯЛ, История. Грозный, 1963 т.III. Вып.1.

знакомство с событиями того периода подталкивает на сравнение их с событиями на Руси времён нашествия монголов, где, по трактовке русской историографии, Россия спасла Европу от чингисовых орд. Несомненно, что Санарское княжество стало преградой для распространения мусульманства на север от Большого Кавказского хребта. Чеченцы – мусульмане суннитского толка, шафиитского мазхаба.

Изначально, видимо, здесь одержали верх суфии накшбандийского толка. В конце бытования шамилёвского имамата в Чечне получает широкое распространение кадыйрийское направление или, как их называли в историографии российской империи – зикристы.

Интересно, что основатель этого суфийского толка Кунта-хаджи Кишиев возродил древний принцип непротивления злу и выступал против Имама Шамиля и продолжающейся войны².

Ислам был воспринят чеченцами после ренессанса, во времена глубокого внутреннего кризиса Халифата. На это указывает, на мой взгляд, идеализация ислама времён Пророка и особенно первых двух халифов. Когда речь заходит об Али, четвёртом халифе, то корни его сакрализации уходят в то же мифологическое прошлое, что и у Георгия Змееборца. Пророк же, в чеченском восприятии, выступал не просто посланником, а безродным, одиноким «вольным» фольклорным героем, само рождение которого олицетворяет падение социально-иерархической системы в лице князей города Мекки³.

Забывается, если не игнорируется умышленно, что мюридизм, зародившийся в дагестанском селе Яраги, вовсе не представлял собою воинственного течения, как это пытались преподнести молодые тщеславные имамы Гази-Магома и Шамиль. Увы, эта трактовка, подхваченная представителями официальной политики

2 Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.

3 Целый пласт религиозно-песенного жанра – «назм» – еще не нашел своего исследователя. Рассматриваемая песня самая древняя из бытующих и представляет собой переходную ступень от героико-эпического жанра «илли» к песенному.

царизма, до сих пор преобладает в научном мире. Скорее всего, мюридизм был реакцией наиболее здравомыслящей части населения на падение нравов и разнузданное поведение местной социальной элиты и люмпенизированных низов.

Особо следует отметить роль Шейха Мансура в реформировании ислама, быта и хозяйства чеченцев. Не стану останавливаться на его полководческих «талантах»⁴. В данном контексте важно, что в народном восприятии он предстаёт как истинный суфий: в отличие от всех последующих имамов Шейх Мансур видится как бессребреник, лишенный тщеславия. Считают, что сам Мансур исполнял все те требования, которые предъявлял своим последователям. Его духовными последователями, в прямом смысле слова, следует считать Шейха Гази-Магомед Зандакского (накшбанди) и основателя кадыристского толка – Кунта Хаджи Кишиева.

Считается, что Шейх Мансур был первым, кто не требовал от чеченцев слепо исполнять шариат, а, воспользовавшись правом фикха толковать законы, в основу отдельных статей заложил местные особенности и якобы отменил до трёхсот статей шариата, признав их непригодными в чеченской среде. За короткий срок он добился того, что воровство скота, вновь расцветшее после падения Шамиля, фактически было низведено на нет. Чеченцы, до Мансура вымиравшие от голода, стали снабжать хлебом не только Северо-восточный Кавказ, но и Прикаспийские области, а труд стал основной добродетелью⁵.

Кроме двух вышеупомянутых суфийских толков, прослеживаются следы ещё одного ордена – торлаков, последний представитель которого дожил до коллективизации. Кое-кто из исследователей, со слов старожилов, принял торлаков за корпорацию шутов, но из религиозной среды. Суфийский орден торлаки (чеч. «тюллика»),

4 Характеристика Шейха Мансура по видению русской историографии: см.: Ш. Б. Ахмадов. Шейх Мансур. Грозный, 1993.

5 Вроцкий Н. Чечня как хлебный оазис. – ССКГ, III, Тифлис, 1882.

запрещённый после поражения народного движения Бадреддина Симова в 1419 году, по традиции продолжал вытворять, на взгляд сегодняшних, самых умеренных мусульман, оскорбительные выходы⁶. К примеру, муэдзин на минарете джума мечети с. Курчалой призывает к пятничной молитве. Под минаретом собралась «толлик тоба» и их предводитель Бакъали из Майртупа в полный голос вторит муадзину, слова подбираются схожие, но ничего общего с молитвой они не имеют. Так, вместо «Аллаху акбар» («благодарение Аллаху») Бакъали произносит: «Аллаху гойт мар» («Аллах, покажи нос»). Торлакам не угрожали, их не убивали – какими они были любителями острых шуток над ортодоксами еще в средневековье, такими они оставались и в новое время⁷.

Таково было религиозное поле ко времени замирения Чечни после Имама Шамиля. Духовенство накшбандийи вскоре стало меньшинством, но они пошли сотрудничать с властями, а кадыристы считались самой обездоленной, нищей частью чеченского населения. Тем не менее, царские власти систематически проводили «чистки», невзирая на принадлежность к тому или другому толку. Советская власть провела тотальное наступление на грамотных, и ко времени депортации умевших читать Коран, а уже тем более комментировать его, оставались единицы.

Многие годы, даже после восстановления республики, из коренных жителей не готовилась духовная прослойка. Дети самостоятельно стали изучать арабскую графику, кое-где детей подпольно обучали читать и писать по-арабски, и это считалось большим криминалом. Но уже к восьмидесятым годам двадцатого века молодое поколение начинает ездить в Дагестан, чтобы пройти курс усовершенствования.

К этому времени другая волна молодых людей, но уже из состоятельных семей, используя всевозможные каналы, поступает в исламские учебные духовные заведения в СССР, безусловно,

6 Радий Фиш. Спящие пробуждаются. – М., «Сов. Писатель», 1989.

7 Там же

подписывая официальные бумаги на сотрудничество с органами безопасности. Ни первая категория, ни вторая не проявляют открытого недовольства властью, хотя отчуждённость первой довольно-таки заметна. Недовольство же старшими коллегами и состоянием религиозной практики проявляется открыто. Годы перестройки вселяют в них надежду, а к концу восьмидесятых годов даже создаётся впечатление, что все взаимные упреки позабыты – все с энтузиазмом работают над святым делом возрождения религиозного поля. Правда, молодая поросль иногда позволяет себе упрекнуть «стариков» в язычестве.

После ГКЧП и суверенитета Джохар Дудаев объявляет последователей накшбандийского толка, у которых грамотных мулл больше, прислужниками КГБ, и приближает к власти кадыристов, т.н. зикристов. Тут уже наиболее радикальные молодые богословы, к которым прибавились совершившие хадж, и кое-кто из тех, кто учился в арабских странах, стали объявлять существующую религиозную практику язычеством, а сами объединяться в мелкие группы – джамааты. Начинается религиозный раскол, в многих местах радикалы молятся отдельно.

Радикальные группы окрепли и приобрели вес после первой военной кампании, в основном при внешней поддержке таких деятелей, как Хаттаб, и других эмиссаров из арабских стран. По словам агитаторов, которые вербовали сторонников (конечно, они могли и преувеличивать), число их приверженцев достигло трёх тысяч человек. Особо следует отметить участие в этом процессе дагестанской элиты. Вскоре к радикалам примкнули многие из тогдашнего чеченского руководства, включая Зелимхана Яндарбиева и Мовлади Удугова. В это же время из российских СМИ в местный обиход проникает термин «ваххабит» в том его значении, которое бытует до сего дня. К концу безвременья когорты «ихванов», т.е. богатых ваххабитов, заметно увеличивается, и не только за счёт чеченцев, но и в значительной степени извне. Ваххабизм становится источником заработка. Гудермесский конфликт продемонстрировал неустойчивость положения ваххабитов в Чечне: когда со всех

районов население устремилось в Гудермес, властям с огромным трудом удалось защитить его от уничтожения.

Отсутствие чёткой политической линии Кремля в отношении Ичкерии, личные недостатки А. Масхадова, с одной стороны ожидавшего решительной поддержки со стороны федерального центра, а с другой – не склонного доверять договоренностям с Кремлем, заставляли его шарахаться из одной крайности к другой и в конце концов перейти на сторону радикалов. Предполагая, что столкновение с Россией неизбежно, он считал, что сила за ваххабитами.

В настоящее время ваххабитов в чистом виде, таких, как Хаттаб, в Чечне почти не осталось. Нет и управляемого организованного сопротивления. Если бы российские военные еще в апреле-мае 2000 года не воспротивились завершению военных действий и нормализации обстановки в Чеченской республике, извлекли бы уроки из первой кампании, то к маю можно было бы закончить кампанию, посадить Аслана Масхадова за стол переговоров, и тогда жертв с обеих сторон удалось бы избежать.

Неорганизованное же сопротивление есть и, судя по всему, будет и впредь. Полицейские репрессии, проводимые уже после завершения прямых военных действий, только способствуют пополнению рядов сопротивления. Как известно, грубое давление на Кавказе всегда вызывало соответствующую ответную реакцию, что понимали передовые люди даже времен царской России. При этом удручает одно немаловажное обстоятельство: массовое отравление сознания российских военнослужащих, которые с этим искаженным сознанием возвращаются домой. Зло, которое они увозят с собой в Россию, никак не окупится политическими дивидендами российской властной элиты. Она защищена высокими стенами, окружена легионами телохранителей, тогда как объектами насилия со стороны возвращающихся уже становятся простые российские граждане.

Хотя ваххабитами становятся лишь единицы, но война вырастила в Чечне не одну тысячу отчаянных людей, у которых в этом мире

не осталось никого и ничего, потеряно все. Это не импульсивные мстители и даже не «ихваны», подводящие под свои поступки религиозную базу. Это совершенно новая генерация. Это молодые люди, живущие одним лишь чувством мести. Ими руководит животный инстинкт: выжить и мстить, мстить не конкретно, а всем подряд.

Как видим, ислам в Чечне никогда не представлял собой единой, монолитной силы. Не было там и открытого противостояния властям. Новое религиозное течение возникло по причине невероятного невежества местных мулл и близорукой политики России. Противостояние ваххабитов и традиционалистов-мюридов началось только тогда, когда чеченское руководство примкнуло к ваххабитскому течению. И, конечно же, этому симбиозу способствовала агрессия федеральных сил. Журналисты, выдвигающие на передний план религиозный фактор в российско-чеченских конфликтах, ошибаются по наивности или же умышленно. Несомненно, этот фактор играет вспомогательную роль, но далеко не ведущую.

Чеченцы, обращающиеся к данной теме, как правило, подразделяются на два лагеря: одни считают, что во всех бедах чеченцев повинна Россия; другие винят во всем самих чеченцев (Дудаева, Яндарбиева, ислам, адаты, и т.п.). Мне же представляется, что истина лежит где-то посередине. На самом деле Россия получила то, что для себя готовила веками. Невежество – худшее из всех бед. Невежество стало повседневностью чеченского бытия. Ихванство – один из горьких плодов этого состояния. Главное – нет надежды, что российские верхи изменят свое отношение и в будущем.

Не стану задерживаться на истории взаимоотношений России и Чечни. Хотел бы обратить внимание на вектор общественного обустройства России и Чечни в сравнительно недалеком прошлом.

В общепризнанной историографии принято считать, что активные взаимоотношения чеченцев с Московским княжеством начались с Ивана Грозного – если не считать период Золотой орды. Для времен Ивана Грозного горцы Кавказа – союзники и партнеры России. Ших-

Мурза Окуцкий и его отец Ушаром-Мурза – активные сторонники русских. Они участвуют в осаде Азова и штурме Дербента с пятьюстами своих сторонников, а это для того времени – сила немалая. Во взаимоотношениях посольств, в ранжире дарообмена, Ших-Мурза Окуцкий ставится в списке вторым после грузинского царя Александра⁸ и является посредником в политике князя Московского в кавказских делах. Он первым из представителей горских народов закладывает при городе Терки слободку, в дальнейшем известную как Окоцкая.⁹

В средневековье по всему Старому свету прокатилась волна народных антифеодальных восстаний, протестовавших против социально-иерархических установок. Во многих регионах они жестоко подавлялись, в других победители сменили династии. В узкой широтной полосе – от Атлантических берегов на западе до Гималаев на востоке с десятков народов установили у себя управление, альтернативное феодальному. Они объявили своих граждан свободными в статусе дворян. Интересно, что во всех анклавах, где победителями оказались народные массы, как правило, оказалась извлеченной из анналов истории давно забытая форма кланового объединения. К победившим и установившим альтернативное феодализму обустройство сплошь и рядом относятся жители гор. И это, видимо, не случайно. Дело в том, что в горных районах ресурс прибавочного продукта явно ограничен, а кроме того, его чрезвычайно трудно завуалировано присваивать.

На Кавказе, по словам дагестанских исследователей, процесс дефеодализации начался с восьмого века. В дореволюционной историографии общества, освободившиеся от ярма сословно-иерархических установок, именуется демократическими, в противоположность тем, в которых феодальная, так называемая аристократическая, форма правления сохранилась, хотя и в ослабленном виде.

8 Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. // Вопросы истории классобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX вв.). Грозный, 1980.

9 Потто В. А. Два века Терского казачества (1577 - 1801), т. I, Владикавказ, 1912.

Интересно, что один и тот же народ на Кавказе существовал в двух системах одновременно. Так было в Дагестане, Сванетии и у западных адыгов. Советские историки, перенявшие многие постулаты от своих дореволюционных предшественников из царской России, ломали головы в поисках причин, почему, к примеру, у аварцев, одно из трех обществ – Хунзахское – в своем социально-экономическом развитии вырвалось вперед, тогда как другие застряли на уровне общинно-родовых устоев. И орудия труда, и средства коммуникации, и ресурсы как будто бы одинаковы, а ступени развития разные. Все это никак не укладывалось в общепринятые официальные рамки марксизма-ленинизма с его догматом производительных сил и производственных отношений.

Гораздо сложнее обстояло дело, когда речь заходила о Чечне, где на всем пространстве расселения этноса, от Дарьяла на западе до реки Койсу (чеч. Гойси) на востоке, наличествовал единый язык, что в этом регионе довольно редкое явление. Более того, присутствует единое мировосприятие, определяющее этническое лицо чеченца, будь это житель высокогорья, граничащего с Грузией, или Затеречья на границе с казаками и ногайцами, или западных районов, рядом с осетинами и кабардинцами. Все соседние этносы воспринимали чеченцев как отдельный народ.

На мой взгляд, в отношениях между Россией и чеченцами на протяжении нескольких веков неизменно действуют два закона. Один из них общего порядка – основным мотивационным законом поступка и действия человека, как известно, является мнение окружающих. Когда в России наступает кризисная ситуация, в Чечню, как мухи на мед, слетаются делегаты официальные и неофициальные, полномочные и полуполномочные представители народов: просьба единственная – «вы начните, а мы вас не подведем». И как ни парадоксально, чеченцы каждый раз теряют голову и систематически наступают на одни и те же грабли. Это случалось и на наших глазах.

Другая причина уходит своими корнями в более отдаленное прошлое и базируется на понятии справедливости. Российские правящие

верхи никогда не выполняют данного слова, поэтому и власть, и их общественное обустройство – непорядочны, несправедливы. К ним доверия нет и быть не может. К тому же социальные верхи соседних с Чечней народов пользуются этим обстоятельством с выгодой для себя. Ведь чеченцы издревле оказывают дурное влияние на их подданных. Конечно же, симпатии помещика и российского чиновника, по принципу схожести, на стороне местной элиты. Таким образом, круг замыкается. Чеченцев всегда дискредитируют, чеченцев преследуют, чеченцам не доверяют: как следствие всего этого, не без «помощи» соседей, чеченцы систематически восстают, показывая дурной пример многочисленным российским поданным. Власти России беспощадно уничтожают чеченцев, чтоб другим неповадно было.

Чеченцы в глазах любой российской власти – исчадие ада; Россия в представлении чеченцев – злая мачеха. Встает вопрос, есть ли возможность вырваться из этого порочного круга? Вероятность есть, и она покоится неглубоко. Во-первых, России необходимо стать действительно демократической. Сможет ли она стать таковой – это вопрос. Второй вопрос – смогут ли чеченцы переиграть самих себя, то есть, как и все остальные, ласкать слух чиновников Центра льстивыми верноподданническими речами; другими словами, угодничать, через что получать блага и жить в полном здравии? Пока надежд мало. Партия войны изо дня в день набирает силу. У России пока нет ни сил, ни возможностей найти для себя внешнего врага, а для выживания враг нужен ее властям как воздух. При всем том чеченцам хочется быть равноправными, действительно равноправными гражданами России, но не поданными.

Знаменательно, что А. Масхадов и его окружение еще в 2000 году поняли, что победа 1996 года оказалась пирровой. Они открыто заявили о своем согласии быть в составе Российской Федерации (фактически, чеченцы и не мыслили себя вне ее), но, будучи убеждены в непредсказуемости российских властей, потребовали только одного: международных гарантий того, что выборы президента России каждый раз не будут приводить к очередной войне. Были

выдвинуты встречные требования: мы за жертвами не постоим – только безусловная и безоговорочная капитуляция! С упорством, достойным лучшего применения, власти России отказываются от любых компромиссов, что, безусловно, беспокоит и волнует не только одних чеченцев.